

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-6-110-132

Оригинальная исследовательская статья

Original research paper

Остров Капри Ивана Бунина

А.А. Кара-Мурза

Институт философии РАН, Москва, Россия

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия

Аннотация

В статье, написанной в жанре «интеллектуального краеведения», исследуются обстоятельства пребывания Нобелевского лауреата по литературе Ивана Алексеевича Бунина (1870–1953) на острове Капри недалеко от Неаполя. Отмечается, что И.А. Бунин является одним из главных «путешественников» в русской литературе: помимо Европы, он объездил Северную Африку, Малую Азию и Ближний Восток, добравшись даже до Цейлона. За эти частые многомесячные «вояжи» Бунин при жизни неоднократно получал упреки от современников в «оторванности от России». Автор статьи, напротив, считает, что для Бунина (считавшего себя литературным преемником Н.В. Гоголя) именно «дорога» и «путешествие» были наиболее естественным и органичным контекстом для размышлений о России и особенностях ее исторической судьбы. В статье показано, что остров Капри стал особым местом в интеллектуальной биографии Бунина: здесь он и его жена В.Н. Муромцева-Бунина провели три плодотворные в творческом отношении зимы 1911/1912, 1912/1913 и 1913/1914 гг. Центром «бунинского Капри» является гранд-отель «Quisisana» (существующий и в наши дни), который стал местом действия одного из самых известных произведений Бунина – «Господин из Сан-Франциско». Автор статьи показывает, что именно на острове Капри И.А. Бунин не только написал десятки своих лучших произведений о русской жизни, но и выработал принципы собственной «философии творчества». В статье проанализирована эволюция отношений И.А. Бунина со «старожилом» Капри, «пролетарским писателем» М. Горьким (А.М. Пешковым), литератором Л.Н. Андреевым и выдающимся русским оперным певцом Ф.И. Шаляпиным.

Ключевые слова: М. Горький, Л.Н. Андреев, Ф.И. Шаляпин, Италия, Капри, путешествие, философское краеведение, творчество, литература.

Кара-Мурза Алексей Алексеевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии российской истории Института философии РАН; главный научный сотрудник Международной лаборатории русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

a-kara-murza@yandex.ru

<http://orcid.org/0000-0002-0302-6500>

Для цитирования: Кара-Мурза А.А. Остров Капри Ивана Бунина // Философские науки. 2020. Т. 63. № 6. С. 110–132.
DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-6-110-132

Ivan Bunin's Capri Island

A.A. Kara-Murza

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

*National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia*

Abstract

The article (written in the genre of “intellectual area studies”) discusses the circumstances of the stay of the Nobel laureate in literature Ivan Alekseevich Bunin (1870–1953) on the island of Capri, near Naples. It is noted that I.A. Bunin is one of the main “travelers” in Russian literature: in addition to Europe, he traveled to North Africa, Asia Minor and the Middle East, even reaching Ceylon. During these frequent months-long “voyages,” Bunin during his lifetime repeatedly received reproaches from his contemporaries for “being alienated from Russia.” The author of the article, on the contrary, believes that for Bunin (who considered himself the literary successor of N.V. Gogol) there were the concepts of the road and journey that were the most natural and organic context for thinking about Russia and the peculiarities of its historical fate. The article shows that the island of Capri has become a special place in the intellectual biography of Bunin: there he and his wife V.N. Muromtsev-Bunin spent three creatively fruitful winters of 1911/1912, 1912/1913 and 1913/1914. The center of Bunin's Capri is the Grand Hotel Quisisana (which still exists today), which became the scene of one of Bunin's most famous stories “The Gentleman from San

Francisco.” The author of the article shows that it was on the island of Capri that I.A. Bunin not only wrote dozens of his best works about Russian life, but also developed the principles of his own “philosophy of creativity.” The article analyzes the evolution of relations between I.A. Bunin with the Russian “residents” of Capri: the “proletarian writer” M. Gorky (A.M. Peshkov), the writer L.N. Andreev and the outstanding Russian opera singer F.I. Chaliapin.

Keywords: M. Gorky, L.N. Andreev, F. Chaliapin, Italy, Capri, travel, philosophical area studies, creativity, literature.

Alexei A. Kara-Murza – D. Sc. in Philosophy, Professor, Chief Research Fellow, Head of the Department of the Philosophy of Russian History of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; Chief Research Fellow, International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University Higher School of Economics.

a-kara-murza@yandex.ru

<http://orcid.org/0000-0002-0302-6500>

For citation: Kara-Murza A.A. (2020) Ivan Bunin’s Capri Island. *Russian Journal of Philosophical Sciences* = *Filosofskie nauki*. Vol. 63, no. 6, pp. 110–132. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-6-110-132

Острова Капри совсем не было видно –
точно его никогда и не существовало на свете...
И.А. Бунин. Господин из Сан-Франциско

Проносились над островом
зимние шквалы и бури...

И.А. Бунин. Капри

Предисловие

Иван Алексеевич Бунин – один из главных «путешественников» в русской литературе. В написанной им в Москве в апреле 1915 г. «Автобиографической заметке» читаем: «С 1907 года жизнь со мной делит В.Н. Муромцева¹. С этих пор жажда странствовать и работать овладела мной с особенной силой... Неизменно проводя лето в деревне, мы почти все остальное время отдали чужим

¹ Муромцева-Бунина Вера Николаевна (1881, Москва – 1961, Париж) – дочь Н.А. Муромцева – члена Московской городской управы и племянница С.А. Муромцева – Председателя I Государственной думы. Окончила естественный факультет Высших женских курсов в Москве, знала немецкий, французский, английский языки. Переводчица, мемуаристка.

краям. Я не раз бывал в Турции, по берегам Малой Азии, в Греции, в Египте вплоть до Нубии, странствовал по Сирии, Палестине, был в Ороне, Алжире, Константине, Тунисе и на окраинах Сахары, плавал на Цейлон, изъездил почти всю Европу, особенно Сицилию и Италию... был в некоторых городах Румынии, Сербии» [Бунин 1988б, 554].

В том же очерке Бунин с иронией вспоминает, как в отместку за все эти «похождения» иные критики долгое время называли его «праздным вояжером» («приплетали нехстати мои “поездки в Индию”»), а не глубоким русским художником («я для деревни только “пришлый интеллигент”»). «Хотя поездки эти, – возражал своим недоброжелателям Бунин, – могли принести мне, конечно, только пользу, ибо справедливо сказал Шекспир, что “недалеко ушла от глупости домоседная мудрость”» [Бунин 1988б, 555–556]².

Часто цитировал Бунин и «Стансы» своего любимого поэта Е.А. Баратынского, умершего в 1844 г. в Неаполе, повторяя строки: «по свету бродил и наблюдал людское племя» и «к вам приходил, родные степи, моя начальная любовь» [Бунин 1988б, 554].

...Остров Капри недалеко от Неаполя – место, прославленное литераторами. Однако тема «Капри Ивана Бунина» почти незнакома современному русскому читателю. В советские годы ее полностью заслонил собой другой сюжет – «Капри Максима Горького» [Викторова 1928; Муратова 1971], центральными фрагментами которого стали два приезда на Капри Владимира Ульянова-Ленина в 1908 и 1910 гг. и основание на острове (усилиями группы Горького – Богданова – Луначарского) большевистской «партийной школы» [Strada 1994; Cioni 2012; Кара-Мурза 2018].

Между тем пребывание на Капри Ивана Бунина также, несомненно, требует глубокого внимания. Бунин прожил на Капри в общей сложности около года: именно здесь им написаны многие знаменитые произведения. Центром бунинского Капри является, конечно, гранд-отель «Quisisana»³: здесь будущий нобелевский

² «Недалеко ушла от глупости домоседная мудрость» – бунинская вариация известной реплики Луцио – персонажа комедии Шекспира «Мера за меру»: «Я предпочитаю быть глупцом на свободе, чем умным в тюрьме» (пер. Т. Щепкиной-Куперник).

³ Помимо легендарной «Квисисаны», с именем Бунина связаны еще два отеля на острове Капри: «Rapano» (где Иван и Вера Бунины жили в 1909 и в 1910 гг.) и «Eden Molaro» (ныне «San Michele») в горном городке Анакапри (март-апрель 1913 г.). Все эти гостиницы, существенно увеличившие свою «звездность», действуют и сегодня.

лауреат по литературе провел (с небольшими перерывами) три плодотворные писательские зимы: с ноября 1911 г. по март 1912 г., с ноября 1912 г. по февраль 1913 г. и с декабря 1913 г. по март 1914 г.

Первые знакомства с Италией

Впервые Иван Бунин побывал в Италии (в Венеции) во время короткого европейского вояжа в декабре-январе 1903–1904 гг. Напарником его стал молодой драматург С.А. Найденов, уже успевший прославиться пьесой «Дети Ванюшина», которую поставили многие театры страны. Бунин и Найденов встретились тогда в Вене⁴; оттуда поехали на Лазурный берег Франции, а затем двинулись в Италию – через Геную и Флоренцию в Венецию⁵.

На берегах Неаполитанского залива Бунин оказался весной 1909 г., во время очередного путешествия с В.П. Муромцевой-Буниной. В марте они отправились за границу поездом

⁴ Московские знакомые, получив тогда открытки от Бунина и Найденова из Вены, а потом из Ниццы, предположили, что те и из Москвы выехали вместе. В эту версию искренно верил еще в 1934 г., во время нобелевского триумфа Бунина, его ближайший друг, литератор Б.К. Зайцев: «Оседлости не любил Бунин... Вдруг взяли да уехали они с Найденовым на Рождество в Ниццу – тогда виз не требовалось!» [Зайцев 1999, 46]. О том, как было на самом деле, Бунин рассказал лишь в годы второй мировой войны А.В. Бахраху: «Был у меня в то время головокружительный, «африканский» роман с некой Любой Р... Подумайте только – зимняя Москва, молодость, лстящая известность, рестораны, веселые кутежи. «Литературно-художественный кружок», писательские «Среды», беззаботность и легкость жизни... А тут, кроме этого основного романа, еще ряд встреч полуслучайных и мимолетных. Не ценил, с жиру бесился... Однажды в середине зимы, рассердившись на Любу из-за какого-то нелепого и не стоящего замечания пустяка, я взял плацкарту в спальном вагоне теплого и уютного экспресса Москва–Вена и ни с того, ни с сего усакал в Ниццу... В Вене я столкнулся со старым другом, драматургом Найденовым, который тоже не знал толком, что его принесло в австрийскую столицу» [Бахрах 1979, 80]. Похоже, что одним из немногих, кто знал, что Бунин внезапно уехал тогда в Европу один, был А.П. Чехов.

⁵ Тогда, по приезде в Венецию (февраль 1904 г.), с Буниным произошла интересная история, которую он, «по случаю», рассказал в 1934 г. В.М. Зензинову: «Италию впервые в Венеции увидел. Почему-то на вокзале стал требовать разного вина. Принесут бутылку, а я другого хочу попробовать, получше. Бутылок двадцать принесли. А я все говорю “ancora”. Весь стол заставили, бегают, обалдели совсем, ничего не понимают. Потом начали хохотать, как сумасшедшие» [Зензинов 1965, 271–272].

из Одессы; побывав в Вене и Инсбруке, через тирольский перевал Бреннен спустились в Северную Италию. Муромцева вспоминала в книге «Беседы с памятью»: «Когда мы переехали границу и очутились в Италии, то сразу почувствовали иной мир: вместо высоких сильных жандармов появились в касках с перьями маленькие военные, и уже на вокзальной тележке были фисташки (*sic!*) и апельсины. И то и другое Ян (Бунин. – А. К.) мгновенно купил» [Бунина 1973, 207]. (Позднейшая работа над рукописями Муромцевой показала, что Бунин, конечно, купил тогда не «фисташки», а «фиаски» – т. е. итальянские бутылки красного вина. Однако в 1973 г., когда в «Литературном наследстве» готовилась первая публикация мемуаров Муромцевой, редакторы не знали никаких «фиасок» и поправили мнимую опечатку на привычные «фисташки». В более поздних изданиях недоразумение было, конечно, устранено.)

Коротко побывав в Вероне, Бунины отправились в Венецию: «Прибыли уже вечером, за дорогу очень устали, но в траурной гондоле с красавцем гондольером почувствовали такое спокойствие, плывя в город-призрак и слушая пение, раздававшееся со всех сторон, что усталость как рукой сняло, – захотелось пожить здесь. К сожалению, скверная погода не позволила нам долго остаться» [Бунина 1973, 207]⁶.

Бунины отправились дальше на юг – в Рим, где опять хотели остановиться, однако и там погода нарушила планы: «Встретило нас серое низкое небо с дождем и ветром... И мы взяли билеты дальше, на юг, спасаясь от непогоды... В Неаполе, где было теплее, мостовые блестяли от только что пролившегося дождя» [Бунина 1973, 207].

В Неаполе они остановились в отеле «Виктория» на набережной залива: «Наутро мы поднялись на Вомеру, откуда открывается один из широчайших видов мира (Ян всегда в новом городе

⁶ Судя по почтовой бумаге, на которой И.А. Бунин потом писал дорожные письма из Италии (см. напр.: [Бунин 2007, 511]), они с Верой Николаевной остановились тогда в Венеции в гранд-отеле «Bauer-Grunwald» на Большом канале. Там же Бунины потом остановятся по дороге на Капри в конце ноября 1912 г. «Бауер» был в свое время любимым венецианским отелем А.П. Чехова, и русские литераторы любили там селиться. В апреле 1913 г. в «Bauer-Grunwald» остановятся и знакомые Чехова и Бунина по Москве, мои родные дед и бабушка – присяжный поверенный и литератор Сергей Георгиевич Кара-Мурза и дочь купца 2-й гильдии Мария Алексеевна Головкина.

прежде всего искал самое высокое место). А на второе утро мы отправились в сторону Позилиппо, шли долго апельсиновыми и лимонными садами. А потом рыбный завтрак с холодным вином “Позилиппо” в огромном длинном ресторане, еще пустом – сезон едва начался – и Неаполь победил меня» [Бунина 1973, 207].

Из Неаполя Иван и Вера съездили в Сорренто, где чуть не сняли комнаты: «О Капри ничего не было говорено, мы только смотрели на него с нашего балкона, и я, восхищаясь его тонкими очертаниями, спросила: поедem ли мы туда? Ян ответил неопределенно. О Горьком мы тоже не говорили, слишком в те дни было много нового, необычайного» [Бунина 1973, 207]⁷.

Однако часто в жизни играет роль пустой случай: «Войдя в столовую, мы увидели, что за столиком, где мы эти дни обедали, сидели англичане. Ян рассердился и заявил, что обедать не будет и завтра же покидает отель. Метрдотель очень извинялся, предлагая другой стол, начал называть его “*принчипе*” (князь. – *итал.*), но Ян остался неумолим» [Бунина 1973, 208].

Утром 25 марта (н. ст.) 1909 г. Бунины без сожаления покинули отель «Виктория»⁸ и сели на пароходик на остров Капри: «Высадившись, мы пошли в ближайший отель, расположенный на берегу, оставили там наши чемоданы, позавтракали, поразившись дешевизной и свежестью рыбы и, отдохнувши с час в отведенной нам комнате, отправились пешком в город» [Бунина 1973, 209]. Случайно встретив по дороге падчерицу Максима Горького Катю Желябужскую (дочь жены Горько-

⁷ В.Н. Муромцева-Бунина пишет в мемуарах со слов Бунина, что в последний раз перед встречей на Капри Бунин видел Горького в Москве в декабре 1905 г. при весьма необычных обстоятельствах: «За завтраком я спросила о Горьком, увидимся ли мы с ним, Ян <Бунин> опять ответил неопределенно. Он, посмеиваясь, рассказал, что в последний раз виделся с ним и Марьей Федоровной во время “вооруженного восстания”, когда они жили на Воздвиженке, квартира была забаррикадирована, в передней сидели в черных папахах, вооруженные кинжалами, револьверами и двустолками кавказцы, охранявшие его, хотя никто не нападал» [Бунина 1973, 208].

⁸ 13 (26) марта 1909 г. Бунин, находясь все еще в некотором раздражении от Неаполя, писал в Москву Н.Д. Телешову: «Дорогой и милый друг, получил твое письмо в Неаполе, дня четыре тому назад, но не ответил потому, что каждую минуту собирался удрать из этого гнусного города жуликов, бездарностей и пьяниц. Вчера удрал – и основались мы – думаю, недели на 2 – на Капри, несмотря на мерзкую погоду, наступившую нынче ночью» [Бунин 1973, 573].

го, актрисы М.Ф. Андреевой, от первого брака), они узнали, что Горький и Андреева именно в этот день уезжают в Неаполь, и решили их навестить.

Горький в то время жил уже на второй своей каприйской вилле – «Villa Spinola», расположенной в конце Via Sopranto на крутом обрыве над Большой бухтой (Marina Grande). Обрадовавшись Буниным, Горький посоветовал им до его возвращения пожить в отеле «Pagano», знаменитом тем, что, по выражению Муромцевой, «все стены были расписаны неизвестными художниками, которые иной раз оплачивали этим свое пребывание там» [Булнина 1973, 210]⁹.

Горький тогда написал о встрече с Буниными на Капри своей первой жене Е.П. Пешковой: «Приехал Бунина с молодой своей женой – женился он на племяннице Муромцева. Ничего, славная и простая. И он такой же, как был, – хороший человек. Несколько постарел – кокетничает этим, но – жив душой и очень радует меня серьезным своим отношением к литературе и слову» [Горький 2001а, 109].

Через несколько дней Горький и Андреева вернулись на Капри вместе с четой Луначарских: все они тогда были увлечены организацией «школы» для передовых рабочих-большевиков. В те дни Бунины почти ежедневно бывали у Горького. Муромцева вспоминала: «Все наше пребывание, особенно первые недели, было сплошным праздником. Хотя мы платили в “Пагано” за полный пансион, но редко там питались. Почти каждое утро получали записочку, что нас просят к завтраку, а затем придумывалась все новая и новая прогулка. На возвратном пути нас опять не отпускали, так как нужно было закончить спор, дослушать рассказ или обсудить «животрепещущий вопрос»» [Булнина 1973, 212].

⁹ Известный русский художник М.В. Нестеров, несколько раз живший на Капри, отмечал в своих мемуарах, что настенные «фрески» в элитном отеле «Pagano» в разное время писали немецкие художники: «Многие из них во времена своего пребывания в “Пагано” были молоды, а теперь прославленные старики. Имена их принадлежат всей Европе, всем народам, ее населяющим». В 1889 г. Нестеров решил повторить этот опыт в своей, очень скромной гостинице «Голубой грот»: «Я, недолго думая, написал на двух дверях своей комнаты – на одной “Царевну – Зимнюю сказку”, на другой – девушку-боярышню на берегу большого северного озера, с нашей псковской церковкой вдали. Об этом сейчас же узнали хозяин отеля и жильцы. И я еще более стал с того времени своим» [Кара-Мурза 2016, 209–210].

Атмосфера на горьковской вилле «Спинола» очень нравилась Вере Николаевне: «Сама вилла была прелестная: одна стена в кабинете была скалой. Дом старинный, с высокими просторными комнатами, их было семь или восемь, со старинной мебелью. Широкое низкое окно кабинета, за которым стояли цветы... С балкона открывался вид на Неаполь... Больше времени мы проводили в салоне с гербами под самым потолком или в огромной столовой, где *асты* в те дни лилось рекой – то под пение с аккомпанементом мандолин и гитары местных любителей; то под изумительную тарантеллу знаменитой на весь мир красавицы Кармеллы, которая особенно талантливо танцевала для *Массимо Горки* со своим партнером, местным учителем в очках» [Бунина 1973, 212].

Особенно поразило Бунину-Муромцеву то, что все итальянские слуги на вилле Горького «были красивы и держали себя просто»: «Красавец подросток Лоренцо сидел под столом в непринужденной позе, – он был мальчиком на побегушках; красавица горничная Кармелла с двумя маленькими девочками, необыкновенно прелестными, с которыми возился с любовью и лаской Алексей Максимович, тоже чувствовала себя не как прислуга. И я часто думала: “Вот как будет, когда настанет на земле социализм!”» [Бунина 1973, 213].

Надо заметить, что Горький долгое время (по крайней мере, до появления бунинской «Деревни») считал Бунину *преимущественно поэтом*, причем поэтом хорошим. Часто просил его почитать старые лирические стихи, над которыми всегда плакал... А когда на Капри приехал начинающий сочинитель И.Н. Антонов (уже опытный революционер-эмигрант, побывавший и в Австралии, и в Японии, и взявший себе псевдоним «Изгнанник»), Горький, с трудом дослушавший неуклюжие вирши, наставительно сказал: «Необходимо читать Пушкина, Лермонтова и вообще старых поэтов, ибо из современников, думается мне, никто не может явиться учителем начинающего писать. Рекомендую лишь Бунину как человека, превосходно знающего язык, строгого к форме и хранящего заветы русской поэзии» [Горький 2001a, 158]. Бунин был близок Горькому еще и тем, что категорически отвергал малейшие «заигрывания» с популярными тогда модернистскими тенденциями в литературе, стремясь удержаться и продолжить традиции русской поэтической классики¹⁰.

¹⁰ Характерно, например, отношение Бунина к такой «культовой» фигуре русского Серебряного века как поэт Иван Коневской (настоящее

На горьковской вилле «Спинола», вспоминали Бунины, «в ту весну (1909 г. – А. К.) царила на редкость приятная атмосфера бодрости и легкости, какой потом не было»: «На обратном пути домой мы почти всегда соблазнялись лангустой, выставленной в окне, и заходили в маленький кабачок. А затем шли по пустынному острову в новые места, и гулко раздавались наши шаги по спящему Капри, когда подымались куда-то вверх. Эти ночные прогулки были самым интересным временем на Капри. Ян становился блестящ. Критиковал то, что слышал от Луначарского, Горького, представлял их в лицах. Сомневался в затеваемой школе: “пустая затея!”» [Бунина 1973, 213].

1 апреля 1909 г. Бунины уехали с Капри в Неаполь, а потом на Сицилию, где посетили Палермо, Сиракузы, Мессину и видели страшные последствия недавнего землетрясения. 10 апреля они вернулись на Капри. Муромцева вспоминала: «Горький делал все, чтобы удержать нас на Капри. Мы про-сигивали у них иногда до позднего часа. Возбужденные, как и до Сицилии, заходили в кабачок, лакомились лангустой с <вином> капри-бианко и шли по спящему, пустынному острову, куда глаза глядят. Мне иной раз казалось, что мы не в реальной жизни, а в сказочной, особенно когда мы проходили под какими-то навесами, поднимаясь все выше и выше, выходя из темноты в лунное сияние» [Бунина 1973, 214].

«Страстную неделю» 1909 г. они провели на Капри и вместе с Горьким «видели процессии с фигурами Христа, Марии-девы, слушали пасхальную мессу» [Бунина 1973, 215]. На следующий день после католической Пасхи (бывшей в тот год 11 апреля) они отправились в Рим, оставив вещи у Горьких. 22 апреля 1909 г. Бунины вернулись на Капри, а на следующий день уехали в Неаполь и оттуда – на итальянском пароходе – в Одессу.

Вспоминая свой первый приезд на Капри, Бунин в августе 1909 г. писал Горькому: «С великой нежностью и горечью вспомнил Италию – с нежностью потому, что только теперь

имя И.И. Ореус), оказавший большое влияние на А. Блока, В. Брюсова, О. Мандельштама, Б. Пастернака. «В пику» ценителям и поклонникам Коневского, Бунин думал и говорил иначе: «На деле это был просто больной и несчастный юноша. Вытертая студенческая тужурка, худые и совершенно деревянные плечи, испитое лицо, стоячие белесые глаза, рыжеватые слабые волосы. Говорил он мало и крайне невразумительно. Писал что-то очень напряженное, но еще более невразумительное» [Бунин 1988в, 572] (см. также: [Кара-Мурза 2020, 30–40; Жукова 2007, 56–60]).

понял, как она вошла мне в сердце, а с горечью по той простой причине, что когда-то теперь еще раз доберешься до Вас, до казы <виллы> Вашей и до вина Вашего. *А идет осень, самое лучшее, самое винное время в Ваших морях и странах*» [Бунин 2007, 100].

В начале марта 1910 г., в интервью корреспонденту «Одесского листка», Бунин сказал по поводу острова Капри (журналист пометил: *«мечтательно произнес»*): «Хорошо там, очень хорошо... И народ хороший – такой прямой, гордый, милый. Два часа всего отделяют Капри от Неаполя, а какая разница в людях: неаполитанцы жадны, шумливы, вечно гоняются за туристами – словом, полная противоположность каприйцам... А Горького как они любят, как восторженно приветствуют его, когда он появляется на площади, на улице» [К-ский 1910, 2].

Тепло отзываясь о Капри и Горьком, Бунин, похоже, еще не предполагал, что с Горьким скоро начнутся размолвки, а вот Капри, напротив, сыграет большую роль в его жизни. Пока же остров виделся ему скорее «удобной гаванью» в вояжах между Средиземноморьем и континентальной Италией.

Во второй половине марта 1910 г. Бунины снова отправились за границу. Проехали Вену, Милан, Геную, Ниццу; оттуда паромом в Марсель и далее в Северную Африку – Оран и Бискру. Из Туниса переправились на Сицилию, потом в Неаполь, а 15 мая снова оказались на Капри – и опять в день отъезда Горького и Андреевой! В тот раз Бунины снова поселились в «Пагано».

После возвращения Горького, 17 мая, большой компанией, ночью, пошли по дороге к горному селению Анакапри смотреть знаменитую комету Галлея. Живший тогда на Капри издатель К.П. Пятницкий записал в дневнике: «Вот ушли на Анакапри ждать комету... Хвост около 40%. Головы не видно. Рабочие, Бунины, Горький с М. Ф... Светлеет. Серое море. Парусное судно. Венера. Заря, 4 (часа), $\frac{1}{4}$ хвоста не видно. Заря разгорается. Венера едва видна» (цит. по: [Горький 2001б, 79]).

Бунины уехали с Капри 21 мая 1910 г. После нескольких дней, проведенных вместе с Горьким в Неаполе, они, на пакетботе «Сенегал», отправились в Афины, Смирну, Константинополь и далее через Одессу вернулись в Москву. Бунин написал потом Горькому: «А на Капри теперь небось, так ярки и чисты звезды, так восхитительно редко вздыхает у берега море ночное, летнее, итальянское. Хоть бы когда-нибудь рассказали Вы про это ночное

море и про Ваши рыбацьи ночные таинства! Горжусь, что уговорил Вас когда-то рассказать о рождении человека. Помните, как это было? Мы ходили комету смотреть – поздно, поздно, по дороге к Анакапри» [Бунин 2007, 120].

Первая зима на Капри (1911–1912)

Почти полтора года Бунины не были на Капри, хотя Горький настойчиво звал их приехать. То он слал Бунину тексты неаполитанско-каприйских песен (летом 1910 г.) в подстрочном переводе Андреевой с просьбой: «Нестерпимо хочется, чтоб Вы коснулись их Вашей, милой мне рукою поэта» [Горький 2001б, 91]. То сообщал (осенью 1911 г.) о закончившейся реновации на Капри отеля «Quisisana»¹¹, хозяином которого был друг Горького (и по совместительству мэр Капри) Федерико Серена: «Приезжайте сюда, будьте добры! Какую мы Вам квартиришку устроим – ах! На юг, целый день солнце, балкон крытый! Собирайтесь-ка!» [Горький 2001б, 198].

Наконец поздней осенью 1911 г. Бунины приплыли на остров. Вместе с племянником Ивана Алексеевича, Николаем Пушешниковым (переводчиком Джека Лондона, Голсуорси, Тагора, Кипплинга), они через Берлин, Люцерн, Геную и Флоренцию приехали в Неаполь, а оттуда 14 ноября 1911 г. отправились на Капри, где на всю зиму поселились в том самом, лучшем на острове, отеле «Квисисана», в верхнем этаже с видом на огромный сад и на Marina Piccola. Пушешников записал в дневнике: «Мы заняли три хороших комнаты подряд на третьем этаже, с выходящими окнами в сад и на море, с пестрыми, песочного цвета, коврами на каменных кафельных полах, хорошей мебелью и висячим маленьким балконом» [Бунин 2007, 582]. Об этом же сам И.А. Бунин писал 2 декабря Е.И. Буковецкому: «Живем мы отлично, в очень уютном теплом месте, комфорт хоть бы и не Италии впору. У нас подряд 3 комнаты, все сообщаются – целая квартира и все окна на юг и чуть ли не весь день двери на балконы открыты, слепит солнце, пахнет из сада цветами, гигантским треугольником синее море. Пью мало... Бушевали несколько дней бешеные бури на нашем острове, но вот уже дней 10 – “дивно хорошо”!» [Бунин 2007, 190].

¹¹ «Квисисана» (от местного «Qui si sana» – «здесь вы восстановите здоровье») была основана в 1845 г. как туберкулезный санаторий для англичан шотландским врачом Джорджем Сидни Кларком. С 1861 г. – гостиница. В настоящее время фешенебельный пятизвездочный гранд-отель принадлежит потомкам каприйской семьи Моргано.

Многое говорит за то, что к моменту нового приезда на Капри в середине ноября 1911 г. Бунины уже переменили свое отношение к Горькому. Причины «охлаждения» тонко понял Г.В. Адамович: «Он (Бунин. – А. К.) был на редкость умен... Людей он видел насквозь, безошибочно догадывался о том, что они предпочли бы скрыть, безошибочно улавливал малейшее притворство. Думаю, что вообще чутье к притворству – а в литературе, значит, ощущение фальши и правды, – было одной из основных его черт» [Адамович 1971, 120]. Именно это, по мнению Адамовича, в свое время побудило Бунина «остаться в стороне от русского доморощенного модернизма, в котором по части декламации и позы далеко не все было благополучно» [Адамович 1971, 120].

Судя по всему, то же самое «ощущение фальши» развело Бунина с Горьким. Это подтверждают слова самого Бунина (тоже человека с непростым характером) из мемориальной заметки 1936 г. о недавно скончавшемся Горьком. Бунин вспоминал, как он, одно время находившийся под большим обаянием Горького, в какой-то момент ясно понял, что тот склонен к «актерству и позе», быстро меняя маски в зависимости от того, например, выступает ли он на публике или общается тет-а-тет: «На людях он бывал совсем не тот, что со мной наедине или вообще без посторонних, – на людях он чаще всего басил, бледнел от самолюбия, честолубия, от восторга публики перед ним, рассказывал все что-нибудь грубое, высокое, важное, своих поклонников и поклонниц любил поучать, говорил с ними то сурово и небрежно, то сухо, назидательно, – когда же мы оставались глаз на глаз или среди близких ему людей, он становился мил, как-то наивно радостен, скромен и застенчив даже излишне» [Бунин 1950, 130].

Как бы там ни было, каприйской зимой 1911–1912 гг. отношения Буниных и Горького не были уже столь теплыми и доверительными: Вера Николаевна определила их как «холодно-любезные и тяжело-дружеские» [Бунин 2007, 209]. Бунин писал тогда с Капри старшему брату Юлию: «Что до Красноперого (прозвище Горького. – А. К.), то необходимость ходить к нему выбивает из интимной, тихой жизни, при которой я только и могу работать; мучиться тем, что совершенно не о чем говорить, а говорить надо, имитировать дружбу, которой нету, – все это так тревожит меня, как я и не ожидал. Да и скверно мы встретились: чувствовало мое сердце, что энтузиазму этой “дружбы” приходит конец, – так оно и оказалось, никогда еще не встречались мы с ним на Капри так сухо и фальшиво, как теперь» [Бунин 2007, 188].

В ноябре-декабре 1911 г. Бунин закончил на Капри повесть «Суходол», написал рассказы «Хорошая жизнь», «Сверчок» и «Ночной разговор». Писал Бунин очень быстро и тут же отправлял готовые тексты в петербургские журналы. Публикация бунинских рассказов вызвала в России неоднозначную реакцию: черносотенная критика писала, например, что изображение Буниным русской деревни – это «опачкивание народа, поэзия дурных запахов, миллионы блох и вшей, портянки и портянки» [Бурнакин 1911, 4].

Под новый, 1912-й год, Бунин прочел на новой горьковской вилле «Serafina» только что оконченный рассказ «Веселый двор». Сохранились воспоминания об этом вечере жившей тогда на Капри Е.В. Викторовой: «Пасмурный зимний день. Дует сырой, липкий <ветер> сирокко. Свирепо хлещет в окна дождь. В огромном кабинете А.М. <Горького> мрачно, на всем лежит серый отсвет. Кажется холодно, хотя большой камин пылает жарким багровым пламенем. Окна затянуло паром от поданного в кабинет самовара. Повар Кательдо в белом фартуке бесшумно устраивает раскинутый у камина чайный стол. Публики набралось много... Все расположились чинно на диванах и стульях. А.М. сел у камина в свое любимое деревянное кресло, а его место возле стола занял маленький, зеленовато-желтый, похожий на мумию И.А. Бунин... Бунин откашлялся и начал читать... И вот мы все перенесли из дождливого дня на острове Капри в глухую русскую деревню, утопающую в знойных лучах июльского солнца... Когда Бунин прочел, как распорол бык живот старухе, у А.М. незаметно потекли слезы. Рассказ окончен. Мы все сидели подавленные. А.М. встал, подошел к маленькому Бунину и будто окутал его своей широкоплечей фигурой: – Иван Алексеевич! Ну и хорошо же! – восторженно проговорил Горький, обнимая Бунина. – Вот как нужно писать! – обратился он к нам. – Учитесь! Дайте прочту! Он еще раз перечитал яркие места» [Викторова 1928, 170]

Сам Иван Алексеевич существенно иначе описал тот новогодний вечер на вилле «Серафина» в письме брату: «Под Новый год читал у Горького. Все очень хвалили, сам Горький – сдержанно, намекнул, что России я не знаю, ибо наши места – не типичны, “гиблые места”... Думаю, что Горький полагает, что касаться матерей, души русского народа – это его специальность, он даже Гоголя постоянно толчет с дерьмом за “Мертвые души” – писал

Гоголь Ноздревых да Собакевичей, а Киреевского, Хомякова, Бакунина – проглядел» [Бунин 2007, 100].

В январе 1912 г. Бунины отъезжали с острова на несколько дней в Неаполь, посетили Поццуоли, Помпеи и вернулись на Капри через Сорренто. В феврале Бунин закончил на Капри рассказы «Захар Воробьев» (в котором некоторые критики увидели «новый пасквиль на Россию») и «Игнат» (который вышел с задержкой и купюрами по причине того, что издатель нашел в тексте «некоторую рискованность положений и описаний») [Кара-Мурза 2002, 330].

Несмотря на сложности в отношениях с Горьким («Тяжелый человек Алексей Максимович!») Вера Муромцева-Бунина продолжала восхищаться простотой и естественностью нравов на острове: «Вчера мы были на пиршестве у каприйских крестьян, по случаю свадьбы. Женился садовник Горького. И какая здесь разница с нашими. Были самые бедные и простые люди, но как у них все хорошо, легко, весело, – танцевали, пели, играли в старинную игру. И уже не говорю о наших свадьбах деревенских... здесь культурнее и веселее. Угощение было очень простое, обносили гостей кренделями... потом дешевым печением, затем горько-сладким вермутом, молодым красным вином. И кроме двух маленьких хорошеньких девочек, лет шести, никто не был пьян, хотя пир шел с двенадцати часов дня... Говорят, каприйцы живут очень подолгу. Смерти здесь редки» [Бунин 2007, 209–210].

13 февраля 1912 г. на Капри неожиданно приехал Федор Иванович Шаляпин с женой, итальянской балериной Иолой Торнаги. Находясь на гастролях в Монте-Карло, он решил посетить старинных друзей – Ивана Бунина и Максима Горького и отплыл из Канн на Капри на личной яхте известного промышленника и политика М.И. Терещенко (будущего министра иностранных дел Временного правительства). Остановился Шаляпин на вилле Горького «Серафина», но посещал и Буниных в отеле «Квисисана». В один из последних вечеров на Капри Шаляпин познакомил слушателей с оперой Мусоргского «Хованщина», виртуозно исполнив не только свою партию – Досифея, но и все остальные, включая женские.

1 марта 1912 г. Бунины уехали с Капри. Несколько дней они провели в Неаполе, а потом отплыли на корабле через Бриндизи и остров Корфу в Патрас. Осмотрев Афины и еще несколько греческих городов, они вернулись в Россию.

Вторая зима на Капри (1912–1913)

В конце 1912 г. Бунины и Пушечников в очередной раз отправились в Италию. Два дня пробыли в Венеции, в гранд-отеле «Bauer-Grunwald», не останавливаясь, проехали Рим, а 29 ноября приехали на Капри, чтобы провести там еще одну зиму. В предвкушении новой встречи с островом, Муромцева писала: «Домой, домой, в Вязьму, в Вязьму! Приехав сюда, почувствовали мы великое успокоение; совсем как дома» [Бабореко 1967, 181]. И на этот раз они опять поселились в отеле «Quisisana», заняв на этот раз четыре комнаты в среднем этаже с видом на море. Уже к концу года Бунин закончил на Капри несколько новых рассказов – «Князь во князьях» (в черновом автографе «Лукьян Степанов»), «Преступление» («Ермил»), «Вера» («Последнее свидание»).

По-видимому, к этому периоду относится и редкая для Бунина зарисовка о жизни и нравах в отеле «Квисисана». Связана она с трагическим инцидентом – пожаром в гостинице: «Однажды отель, в котором я проводил зимы на Капри, загорелся (с верхнего этажа). Весь городок сбежался, все двери в отеле были настежь, по всем лестницам носились люди, тушившие огонь. Все жильцы неанглийского происхождения помогали им или хватали из своих комнат и выбрасывали в коридоры вещи, – англичане и бровью не повели: взяли пледы, книжки, сели в кресла, обернув пледами ноги, и преспокойно стали кто читать, кто писать дневники и письма» [Бунин 2000, 98].

В январе 1913 г. на Капри, уже не в первый раз, приезжал Леонид Андреев, о чем подробно написал в своем дневнике Н.А. Пушешников. На следующий день после приезда Андреев заявился в отель «Квисисана» «совершенно пьяный». В разговоре с Буниным Андреев говорил: «Я всех вас ненавижу... И мужиков твоих ненавижу, “Деревню” твою я ненавижу!.. Ты души русской не знаешь, ты русского народу не знаешь. Ты в мужиках людей не видишь. Ты их презираешь. Ты за них не страдаешь» [Бунин 2007, 647]. Разговор был для Бунина долгим и тягостным. Далее Пушешников писал: «Я вошел в комнату и увидел, что Андреев, упав с кресла вперед на пол, стоит на коленях. Его черные длинные волосы рассыпались и свисли на лицо. Он схватил руку И.А. и стал целовать ее, а И.А., нагнувшись, схватил его за пухлую шею и целовал в голову, и слезы у него лились ручьем. “Я тебя люблю... Поверь мне! Ты мне дороже всех писателей”» [Бунин 2007, 647]. Сам И.А. Бунин написал литературу И.А. Белоу-

сову об этом «визите» Андреева на Капри: «Леонид был 3 дня, 2 из них пил, пьяный целовал меня страстно и говорил дерзости всем» [Бунин 2007, 257; Кара-Мурза 2002, 260].

21 февраля 1913 г., после очередных гастролей в Монте-Карло, на Капри снова приехал Федор Шаляпин – на этот раз с новой женой Марией Петцольд. 23 февраля Шаляпин, остановившийся на этот раз в каприйской гостинице «Splendid», дал в ресторане отеля обед в честь Бунина; после обеда Шаляпин читал пушкинского «Дон-Жуана», отрывки из «Моцарта и Сальери» ... Через два дня Бунин устроил ответный обед в ресторане отеля «Quisisana» [Кара-Мурза 2016, 388–390].

Бунин вспоминал в 1938 г.: «Мы дали обед в честь его (Шаляпина. – А. К.) приезда, пригласили Горького и еще кое-кого из каприйской русской колонии. После обеда Шаляпин вызвался петь. И опять вышел совершенно удивительный вечер. В столовой и во всех салонах гостиницы столпились все жившие в ней и множество каприйцев, слушали с горящими глазами, затаив дыхание... Когда я как-то завтракал у него в Париже, он сам вспомнил этот вечер: – Помнишь, как я пел у тебя на Капри? – Потом завел граммофон, стал ставить напетые им в прежние годы пластинки и слушал самого себя со слезами на глазах, бормоча: – Неплохо пел! Дай бог так-то всякому!» [Бунин 1988а, 244].

В январе-феврале 1913 г. Бунин написал на Капри несколько новых рассказов – «Жертва» (в первоначальной редакции «Илья Пророк»), «Будни» («На погосте»), «Всходы новые» («Весна») и «Последний день».

В последних числах февраля 1913 г. Бунины решили сменить обстановку и переехать в горную часть острова, Анакапри, в отель подешевле. «Мы, как видишь, – писал Бунин брату 1 марта, – переселились в Анакапри (в Квисисане на Капри цены поднялись, – сезон), но адрес наш прежний: мы ходим за почтой каждый день в эту самую Квисисану, – ведь это только с горы спуститься, верста какая-нибудь» [Бунин 2007, 263].

Стоящий на высоком утесе над Marina Grande отель «Eden Molaro» поначалу очень понравился Буниным. Муромцева писала тогда Юлию Бунину: «В Анакапри устроились прекрасно, у нас с Яном две хорошие комнаты с прекрасными видами. Из одних окон видна гора Монте-Соларо с замком Барбаросса; из другого – вид на залив, Везувий, гору Тиберия и т. д. Отель очень старинный, комфортабельный, хозяин его – сын адъютанта Гарибаль-

ди. Кухня лучше Quisisанской. Комната Николая Алексеевича (Пушешникова. – А. К.) этажом выше, тоже большая, смотрит на горы и замок» [Бунин 2007, 653; Бабореко 1967, 184].

Не прошло, однако, и нескольких недель, как недостатки «отеля подешевле» стали видны. «Кормят в нашем отеле отвратительно, – писала Вера Николаевна 1 апреля Юлию Бунину. – Хозяева – жулики! Вино такое, что мы перестали спрашивать. Прошлую неделю ужинали у Горьких 5 раз! Отношения с ними нежные. Предлагали поселиться у них, – вообще дружба!» [Бунин 2007, 267].

Тем не менее месяц с небольшим, проведенный в Анакапри, оказался также плодотворным для Бунина – он написал там рассказы «Иоанн Рыдалец», «Худая трава», «Лирник Родион», «Сказка». Примерно к этому времени относятся и два стихотворения из «неаполитанского цикла», посвященные острову Капри: «Капри» («Проносились над островом зимние шквалы и бури...») и «Каприйский грот» («Волна хрустальная, тяжелая лизала подножие скалы...»).

6 апреля 1913 г. Бунины уехали с острова. В интервью «Московским новостям» Бунин рассказал о своей второй каприйской зиме: «Я очень однообразно провел зиму, прожив всю сплошь на острове Капри. Пришлось очень много работать: к этому там располагает тамошняя жизнь. На этой скале, торчащей среди синего моря и голубого прозрачного неба, много уюта, простоты, нет сутолоки, шума, а я все это очень ценю. На Капри мало живет народа. Единственный человек, с кем встречался постоянно, – это Алексей Максимович Горький. Вот уже вторую зиму я провожу с ним вместе» [Кара-Мурза 2002, 333].

Третья зима на Капри (1913–1914)

В конце декабря 1913 г. Бунины в очередной раз приехали на Капри, предпочтя на этот раз хорошо знакомый отель «Quisisana». В эту, третью по счету, каприйскую зиму Иваном Алексеевичем были написаны рассказы «Святые», «Весенний вечер», «Братья». В конце марта 1914 г. Бунины покинули Капри и уехали в Россию через Рим и Зальцбург.

С тех пор И.А. Бунин более не бывал на Капри. Однако к «каприйскому периоду» творчества можно с полным правом отнести и один из его безусловно лучших рассказов – «Господин из Сан-Франциско» (в первой редакции «Смерть на Капри» – по прямой аналогии со знаменитой венецианской новеллой Томаса Манна). Основное действие

рассказа, написанного Буниным вскоре после отъезда из Италии, разворачивается сначала в Неаполе, а затем в том самом каприйском отеле «Quisisana», где в 1910-х гг. подолгу жили Бунины.

Сам Бунин вспоминал историю этого произведения так: «Летом пятнадцатого года, проходя однажды по Кузнецкому мосту в Москве, я увидел в витрине книжного магазина “Готье” на русском языке издание повести Томаса Манна “Смерть в Венеции”, но не зашел в магазин, не купил ее, а в начале сентября 1915 года, живя в имении моей двоюродной сестры, в селе Васильевское, Елецкого уезда, Орловской губернии, почему-то вспомнил эту книгу и внезапную смерть какого-то американца, приехавшего на Капри, в гостиницу “Квисисана”, где мы жили в тот год, и тотчас решил написать “Смерть на Капри”, что и сделал в четыре дня – не спеша, спокойно, в лад осеннему спокойствию сереньких и уже довольно коротких и свежих дней и тишине в усадьбе» [Бунин 1988а, 667].

От первоначального названия рассказа Бунин довольно быстро отказался: «И Сан-Франциско, и все прочее (кроме того, что какой-то американец действительно умер после обеда в “Квисисане”) я выдумал... “Смерть в Венеции” я прочел в Москве лишь в конце осени. Это очень неприятная книга» [Бунин 1988а, 667].

По свидетельству же В.Н. Муромцевой, творческий толчок к написанию «Господина из Сан-Франциско» у Бунина произошел раньше, а спустя несколько лет просто «припомнился». В апреле 1909 г., когда Бунины, впервые побывав на Капри, плыли на итальянском пароходе в Одессу, на верхней палубе для привилегированных пассажиров у Бунина «завязался спор о социальной справедливости», и он в полемике так ответил оппоненту: «Если разрезать пароход вертикально, то увидим: мы сидим, пьем вино, беседуем на разные темы, а машинисты в пекле, черные от угля, работают и т.д. Справедливо ли это? А главное, сидящие наверху и за людей не считают тех, кто на них работает» [Бунин 1988а, 667]. «Я считаю, – пишет Муромцева, – что здесь зародился “Господин из Сан-Франциско”» [Бунин 1988а, 667].

Послесловие

В истории русской литературы так и осталось загадкой, как умел Бунин, живя на Капри, в дорогом отеле с видом на море,

писать и писать столь «тяжелые рассказы» из русской жизни. 22 августа 1947 г. известный русский писатель-эмигрант М.А. Алданов, пытаясь проникнуть в тайну этого парадокса, прямо спрашивал об этом в письме к Бунину: «Но какой вы (по крайней мере, тогда были) мрачный писатель! Я ничего безотраднее этой “Хорошей жизни” не помню в русской литературе... Да, дорогой друг, не много есть в русской классической литературе писателей, равных вам по силе. А по знанию того, о чем вы пишете, и вообще нет равных; конечно, язык “Записок охотника” или чеховских “Мужиков” не так хорош, как ваш народный язык... Нет ничего правдивее того, что вами описано. Как вы все это писали по памяти иногда на Капри, я просто не понимаю. По-моему, сад, усадьбу, двор в “Древнем человеке” можно было написать только на месте. Были ли у вас записные книжки? Записывали ли вы отдельные народные выражения (есть истинно чудесные, отчасти и по неожиданности, которой нет ни у Тургенева, ни у Лескова)» [Алданов 1965, 138–139].

23 августа Бунин ответил Алданову: «Что иногда, да даже и частенько, я “мрачен”, это правда, но ведь не всегда, не всегда... Только я не понимаю, чему вы дивитесь. Как я все это помню? Да это не память. Разве это память у вас, когда вам приходится говорить, например, по-французски? Это в вашем естестве. Так и это в моем естестве – и пейзаж, и язык, и все прочее... И клянусь вам – никогда я ничего не записывал... Клянусь, что девять десятых этого не с натуры, а из вымыслов: лежишь, например, читаешь – и вдруг ни с того ни с сего представишь себе что-нибудь, до дикости не связанное с тем, что читаешь, и вообще, со всем, что кругом...» [Бунин 2001, 64–65].

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Адамович 1971 – *Адамович Г.В.* Бунин. Воспоминания // Новый журнал. 1971. Кн. 105. С. 115–137.

Алданов 1965 – *Алданов М.А.* Письма к И.А. и В.Н. Буниным (комм. М. Грин) // Новый журнал. 1965. Кн. 81. С. 110–147.

Бабореко 1967 – *Бабореко А.К.* И.А. Бунин. Материалы для биографии (с 1870 по 1917). – М.: Художественная литература, 1967.

Бахрах 1979 – *Бахрах А.* Бунин в халате: по памяти, по записям. – Bayville, NJ: G. Nomyakow Publ., 1979.

Бунин 1950 – *Бунин И.А.* Воспоминания. – Париж: изд-во Возрождение/La Renaissance, 1950. С. 118–129.

Бунин 1973 – Бунин И.А. Переписка с Н.Д. Телешовым // Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин. Вып. 1 / под ред. А.Н. Дубовикова и С.А. Макашина. – М.: Наука, 1973. С. 471–638.

Бунин 1988а – Бунин И.А. Собр. соч. в 6 т. Т. 4: Произведения 1914–1931 гг. – М.: Художественная литература, 1988.

Бунин 1988б – Бунин И.А. Автобиографическая заметка // Бунин И.А. Собр. соч. в 6 т. Т. 6. – М.: Художественная литература, 1988. С. 545–556.

Бунин 1988в – Бунин И.А. Из записей // Бунин И.С. Собр. соч. в 6 т. Т. 6. – М.: Художественная литература, 1988. С. 557–584.

Бунин 2000 – Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов/под ред. О.Н. Михайлова. – М.: Наследие, 2000.

Бунин 2001 – Бунин И.А. Избранные письма // И.А. Бунин: pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей / сост. Б.В. Аверин и др. – СПб.: РХГИ, 2001.

Бунин 2007 – Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов. – М.: ИМЛИ, 2007.

Бунина 1973 – Бунина В.Н. Беседы с памятью // Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин. Вып. 2 / под ред. А.Н. Дубовикова и С.А. Макашина. – М.: Наука, 1973. С. 159–223.

Бурнакин 1911 – Бурнакин А. Пасквиль на Россию (о повести «Деревня») // Новое время. 11 февраля 1911. № 12543. С. 4.

Викторова 1928 – Викторова Е.В. Горький на Капри // О Горьком – современники. – М.: Госиздат, 1928. С. 165–181.

Горький 2001а – Горький М. Полн. собр. соч. и письма в 24 т. Т. 7: Письма (конец августа 1908–1909). – М.: Наука, 2001.

Горький 2001б – Горький М. Полн. собр. соч. и письма в 24 т. Т. 8: Письма 1910–1911 (январь – февраль). – М.: Наука, 2001.

Жукова 2007 – Жукова О.А. Исторический образ России: традиция и традиционализм // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2007. № 4 (35). С. 56–60.

Зайцев 1999 – Зайцев Б.К. Молодость – Иван Бунин // Зайцев Б.К. Мои современники: Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – М.: Русская книга, 1999. С. 46–49.

Зензинов 1965 – Зензинов В.М. Беседы с И.А. Буниным // Новый журнал. 1965. Кн. 81. С. 271–275.

К-ский 1910 – К-ский. У И.А. Бунина. Беседа // Одесский листок. 2 марта 1910. № 49.

Кара-Мурза 2002 – Кара-Мурза А.А. Знаменитые русские о Неаполе. – М.: Независимая газета, 2002.

Кара-Мурза 2016 – Кара-Мурза А.А. Иван Алесеевич Бунин // Кара-Мурза А.А. Знаменитые русские о Неаполе/2-е изд., расш. и дополн. – М.: изд-во О. Морозовой, 2016.

Кара-Мурза 2018 – *Кара-Мурза А.А.* Александр Богданов и «Каприйская школа»: между Горьким и Лениным // *Полилог*. 2018. Т. 2. №4. С. 8.

Кара-Мурза 2020 – *Кара-Мурза А.А.* Поэт-философ Иван Ореус-Коновской – культовая фигура «русского северянства» Серебряного века // *Человек*. 2020. №3. С. 30–40.

Муратова 1971 – *Муратова К.Д.* Горький на Капри. 1911–1913. – Л.: Наука, 1971.

Cioni 2012 – *Cioni P.* Un ateismo religioso: dalla scuola di Capri allo stalinismo. – Roma: Carocci, 2012.

Strada 1994 – *Strada V.* L'altra rivoluzione. Gor'kij-Lunačarskij-Bogdanov. La “Scuola di Capri” e la “Costruzione di Dio”. – Capri: La Conchiglia, 1994.

REFERENCES

Adamovich G.V. (1971) Bunin. Memories. *The New Review* = *Novyy zhurnal*. Vol. 105, pp. 115–137.

Aldanov M.A. (1965) Letters to I. A. and V.N. Bunin (commented by M. Green). *The New Review* = *Novyy zhurnal*. Vol. 81, pp. 110–147 (in Russian).

Baboreko A.K. (1967) *I.A. Bunin. Materials for Biography (from 1870 to 1917)*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura (in Russian).

Bakhrakh A. (1979) *Bunin in House Robe: Memory, Records*. Bayville, NJ: G. Homyakow Publishing (in Russian).

Bunin I.A. (1950) *Memoirs* (pp. 118–129). Paris: La Renaissance (in Russian).

Bunin I.A. (1973) Correspondence with N.D. Telezhov. In: Dubovikov A.N. & Makashin S.A. (Eds.) *Literary Heritage. Vol. 84: Ivan Bunin* (Issue 1, pp. 471–638). Moscow: Nauka (in Russian).

Bunin I.A. (1988a) *Collected Works in 6 Vols. Vol. 4: Works of 1914–1931*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura (in Russian).

Bunin I.A. (1988b) Autobiographical/Notes. In: Bunin I.A. *Collected Works in 6 Vols.* (Vol. 6, pp. 545–556). Moscow: Khudozhestvennaya literatura (in Russian).

Bunin I.A. (1988c) From records. In: Bunin I.A. *Collected Works in 6 Vols.* (Vol. 6, pp. 557–584). Moscow: Khudozhestvennaya literatura (in Russian).

Bunin I.A. (2000) *Journalistic Publications of 1918–1953 Years* (O.N. Mikhailov, Ed.). Moscow: Heritage, 2000 (in Russian).

Bunin I.A. (2001) Selected Letter. In: Averin B.V. (Ed.) *Ivan Bunin: Pro et Contra*. Saint Petersburg: Russian Christian Institute for the Humanities (in Russian).

Bunin I.A. (2007) *The Letters of 1905–1919 Years*. Moscow: RAS Institute of World Literature (in Russian).

Bunina V.N. (1973) Conversations with Memory. In: Dubovikov A.N. & Makashin S.A. (Eds.) *Literary Heritage. Vol. 84: Ivan Bunin* (Issue 2, pp. 159–223). Moscow: Nauka (in Russian).

Burnakin A. (1911) Lampoon on Russia (On the Story “Village”). *Novoye vremya*. No. 12543, p. 4 (in Russian).

Cioni P. (2012) *Un ateismo religioso: dalla scuola di Capri allo stalinismo*. Roma: Carocci (in Italian).

Gorky M. (2001a) *Complete Works and Letters in 24 Vols. Vol. 7: Letters (Late August 1908–1909)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Gorky M. (2001b) *Complete Works and Letters in 24 Vols. Vol. 8: Letters 1910–1911 (January – February)*. Moscow: Nauka (in Russian).

K-sky. (1910) With I.A. Bunin. Conversation. *Odesskiy listok*, No. 49, p. 2 (in Russian).

Kara-Murza A.A. (2002) *Famous Russians about Naples*. Moscow: Nezavisimaya gazeta (in Russian).

Kara-Murza A.A. (2016) Ivan Alexeevich Bunin. In: Kara-Murza A.A. *Famous Russians about Naples* (2nd revised ed.). Moscow: Olga Morozova Publishing (in Russian).

Kara-Murza A.A. (2018) Alexander Bogdanov and the Capri School: between Gorky and Lenin. *Polylogos*, 2018. Vol. 2, no. 4, p. 8 (in Russian).

Kara-Murza A.A. (2020) Poet-Philosopher Ivan Oreus-Konevskoy: The Cult Figure of “Russian Northerners” of the Silver Age. *Chelovek*. No. 3, pp. 30–40 (in Russian).

Muratova K.D. (1971) *Gorky on Capri. 1911–1913*. Leningrad: Nauka (in Russian).

Strada V. (1994) *L'altra rivoluzione. Gor'kij-Lunačarskij-Bogdanov. La “Scuola di Capri” e la “Costruzione di Dio”*. Capri: La Conchiglia (in Italian).

Viktorova E.V. (1928) Gorky on Capri. In: *Contemporaries about Gorky* (pp. 165–181). Moscow: Gosizdat (in Russian).

Zaytsev B.K. (1999) Youth – Ivan Bunin. In: Zaytsev B.K. *My Contemporaries: Memories. Portraits. Memoir Stories* (pp. 46–49). Moscow: Russkaya kniga (in Russian).

Zenzinov V.M. (1965) Talks with I.A. Bunin. *The New Review = Novyy zhurnal*. Vol. 81, pp. 271–275 (in Russian).

Zhukova O.A. (2007) Historical Image of Russia: Tradition and Traditionalism. *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki*. No. 4, pp. 56–60 (in Russian).